
Нарративный анализ спроса на инновации в российской экономике

В.В. ВОЛЬЧИК*, Е.В. ФУРСА**

***Вячеслав Витальевич Вольчик** – доктор экономических наук, заведующий кафедрой экономической теории, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, volchik@sfedu.ru, <http://orcid.org/0000-0002-0027-3442>

****Елена Владимировна Фурса** – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, efursa@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7295-9876>

Цитирование: Вольчик В.В., Фурса Е.В. (2022) Нарративный анализ спроса на инновации в российской экономике // Мир России. Т. 31. № 4. С. 122–150. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-4-122-150

Аннотация

В статье анализируются нарративы акторов российской инновационной системы (бизнес, государственное управление, академические организации), в которых отражаются значимые идеи и убеждения о формировании спроса на инновации, а также причинно-следственные связи, которые могут соотноситься или противоречить экономическим теориям. Для качественного нарративного исследования была использована база данных, состоящая из 43 рейтинговых средств массовой информации и интернет-ресурсов, которые были отобраны в системе «Медialogия». На основе этой базы данных было выявлено 229 нарративов, посвященных проблемам низкого спроса на инновации. Проведенный анализ позволил выделить пять групп протомodelей, представляющих собой упрощенные объяснительные модели, которые содержат информацию о социальном контексте, факторах, причинах и механизмах формирования низкого спроса на инновации в России: наличие значительных транзакционных издержках при взаимодействии бизнеса и академических организаций; отсутствие достаточных стимулов российско-го бизнеса к активной инновационной деятельности; отсутствие воспроизводящихся эффективных механизмов раскрепощения, стимулирования и восходящей имплементации низовых инициатив акторов российской инновационной системы; низкая эффек-

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00562 «Развитие российской инновационной системы в контексте нарративной экономики» в Южном федеральном университете (<https://rscf.ru/project/21-18-00562/>).

Статья опубликована в рамках проекта НИУ ВШЭ по поддержке публикаций авторов российских образовательных и научных организаций «Университетское партнерство».

Статья поступила в редакцию в апреле 2022 г.

тивность реализации трех функций институтов российской инновационной системы (поддержание стабильности осуществления транзакций, защита прав собственности и снижение транзакционных издержек); дефицит доверия между акторами российской инновационной системы.

Ключевые слова: *нарративная экономика, институциональная экономика, российская инновационная система, спрос на инновации, институциональная среда, государственное управление*

Постановка проблемы

Важность нарративов при анализе экономического поведения связана с тем фактом, что акторы используют их для получения информации о социальных контекстах экономического действия. Также в нарративах получают свое отражение значимые идеи и убеждения, которые вместе с институтами влияют на структурирование повторяющихся социальных взаимодействий. Гипотеза данного исследования базируется на предположении о том, что существующее отставание в развитии российской инновационной системы (РИС) обусловлено недостаточностью спроса на инновации как ключевого фактора эффективного функционирования любого рынка. Проверка данной гипотезы осуществляется с помощью использования нарративного анализа.

Внедрение технологических и социальных инноваций связано с формированием и распространением новых практик. Речевые акты, существующие наряду с такими практиками, получают отражение в создаваемых и транслируемых нарративах, посредством которых реализуется трансляция понимания акторами реальных процессов и социальных контекстов [Juille, Jullien 2017, p. 285]. Нарративы отражают прошлый опыт акторов и их восприятие социальной реальности, однако с их помощью может формироваться и образ будущих изменений, что обычно связывается с процессами планирования, прогнозирования и регулирования на внутриорганизационном и внеорганизационном уровнях [Beckert 2021].

Большое значение для выявления и понимания взаимосвязей в развитии национальной инновационной системы имеют исторические нарративы как источники знания, полученного в конкретных исторических институциональных условиях. Через нарративы акторы или комментаторы (журналисты, эксперты) предлагают свои объяснения причинно-следственных связей, которые могут соотноситься с экономическими теориями, дополнять их, а также противоречить выводам теорий и моделей. Отслеживание изменения нарративов дает возможность проследить, как изменения убеждений повлияли на те или иные значимые экономические события [Monnet, Velde 2021, p. 356]. Нарративы в этом контексте прежде всего связаны с получением релевантной информации и знания о состоянии институциональной среды тех или иных социальных и экономических взаимодействий. Через нарративы акторы и комментаторы интерпретируют призму своего социального опыта, воздействие социальных контекстов на процессы в рамках значимой для них сферы деятельности.

Сложность, присущая социальным и экономическим взаимодействиям, в частности процессам создания и внедрения инноваций, проявляется в конфликте мнений, транслируемых в нарративах. В оригинальной институциональной экономике ситуация конфликта между двумя типами ценностей – церемониальными и инструментальными – обычно рассматривается в контексте дихотомии Веблена-Эйрса. Расхождения между институтами и технологиями могут также отражаться в различных противоречивых нарративах [Waller 2021, p. 42]. Поэтому в научных дискуссиях они выступают как один из способов яркого представления той или иной точки зрения, что основывается на возникающем консенсусе относительно осознания силы нарративов как формы коммуникации и убеждения [Whalen 2021, pp. 247–248].

Большое значение имеет тот факт, какой актер является носителем и распространителем нарратива. В контексте исследования российской инновационной системы мы рассматриваем три группы акторов, представляющих (1) академическую сферу, (2) бизнес и (3) государственное управление. Также важной категорией субъектов распространения нарративов становятся журналисты и СМИ.

Значимость нарративов зависит от социального статуса рассказчика и связи историй с дискурсами элит, формирующих смыслы, которые потом получают отражения в нарративах. Элиты и нарративы, с ними связанные, имеют существенное влияние на общественное мнение, которое по-разному может оказывать воздействие на различные группы населения [Killick 2022].

Нарративы не являются чем-то обособленным в структуре социальных и экономических взаимодействий; чаще всего они используются наряду с другими объяснениями тех или иных процессов. Хорошим примером может служить нарратив о QWERTY клавиатуре, с помощью которого П. Дэвидом была построена концепция экономики QWERTY. Однако этот нарратив был тесно связан с моделированием неэргодических процессов в экономике, сопряженных с возрастающей отдачей, которую ранее рассмотрел Б. Артур. Но в случае с экономикой QWERTY нарратив, используемый П. Дэвидом, способствовал более широкому распространению концепции *path dependence* как в научном дискурсе, так и в средствах массовой информации [Dumez, Jeunemaitre 2006, pp. 33–35].

Важность нарративов также связана с тем фактом, что они переплетены с определенными историческими событиями и коллективной исторической памятью, и социальный контекст является неотъемлемой частью повествования акторов о своем или организационном опыте. Поэтому через внутрифирменные и межфирменные потоки знаний происходит трансляция коллективной памяти, связанной с существующими продуктивными социальными практиками, что важно при разработке инструментов и методов экономической политики по управлению знаниями [Autant-Bernard et al. 2013, p. 207]. Именно сочетание социального контекста и коллективной памяти в совокупности с продуктивными социальными практиками делает анализ нарративов источником важной информации для понимания перспектив тех или иных мер регулирования с учетом региональных и организационных особенностей инновационных процессов.

В исследовании инноваций формируются научные традиции в рамках различных поведенческих и социальных наук, которые используют одну или несколько значимых научных метафор для объяснения процессов создания

инноваций. В этих исследованиях такие метафоры определяются как метанарративы, примером которых может служить концепт неявного знания, примененный к описанию инновационных процессов в рамках организаций с учетом исторической, культурной и технологической специфики [Greenhalgh et al. 2005]. В контексте данного исследования мы будем использовать термин «протонарративы», так как у понятия «метанарратив» существует уже устоявшееся в общественных науках исследовательское содержание [Luomaa 1998; Латов 2014; Барков, Зубков 2018]. Протонарративы чаще всего соотносятся с протомоделями, о которых пишет Р. Шиллер [Shiller 2019]. Выделение протонарративов о РИС позволяет получить, с одной стороны, более глубокое понимание восприятия акторами механизмов создания и внедрения инноваций, а с другой – проследить, как нарративы связаны с научным дискурсом о национальных инновационных системах.

Нарративы, связанные с инновационной деятельностью, основываются на интуитивном понимании акторами механизмов РИС. Кроме этого, истории отражают значимые для понимания акторов социальные практики и нормы, а также могут содержать как одну, так и обе составляющих релевантного понимания принципов функционирования инновационной системы, которые кратко обозначим как протомодели (протонарративы) и социальные контексты.

В теории важнейшей предпосылкой для развития инновационной системы выступает эффективная социально-экономическая и физическая инфраструктура, от которой зависит осуществление трансакций. Собственно, сама национальная инновационная система рассматривается как «совокупность отдельных институтов, которые совместно и индивидуально способствуют развитию и распространению новых технологий и обеспечивают основу для формирования и реализации государственной политики, воздействующей на инновационный процесс». По сути, это «система взаимосвязанных институтов для создания, хранения и передачи знаний, навыков и артефактов, определяющих новые технологии» [Metcalfe 1995, p. 38]. Поэтому большинство акторов, транслирующих нарративы о недостаточном спросе на инновации, отмечают именно недостатки государственного регулирования в обеспечении функционирования эффективной среды для инновационных процессов.

В нашей работе мы следуем схеме, согласно которой все исследовательские нарративы можно разделить на две группы: (1) протонарративы как упрощенные объяснительные модели, которые могут соотноситься с научными концептами; (2) нарративы как данные о социальных контекстах. Оба типа важны прежде всего для получения более глубокого понимания процессов, происходящих в российской инновационной сфере.

Пропаганда в СМИ дискуссии об инновациях исключительно актуальна для продвижения нарративов и содержащихся в них протомodelей, которые впоследствии начинают самостоятельно циркулировать в общественном мнении; также очень важно соотносить распространенные нарративы с проводимой в сфере инноваций политикой. Поэтому исследование освещения в СМИ вопросов, связанных с инновациями, имеет большое значение для понимания различных политических процессов [Polyakova et al. 2020, p. 29], в частности относящихся к созданию формальных институтов. Широкие дебаты в прессе и социальных сетях обычно предшествуют принятию тех или иных нормативных актов, после

ратификации которых наблюдаются всплески упоминаний, выявляемых по ключевым словам и касающихся инноваций [Барсукова, Коробкова 2014, с. 21]. Так, например, согласно *рисунку 1*, с 1990 по 2010 г. словосочетание «инновационная политика» упоминалось очень редко и практически отсутствовало в научном дискурсе. Однако с 2010 г. в СМИ начинают активно обсуждаться вопросы, связанные с проведением инновационной политики: в частности, создание технопарка «Сколково», а с 2011 г. – реализация Стратегии инновационного развития РФ на период до 2020 г. В 2014–2015 гг. интерес к инновациям снова актуализируется, и на этот раз в связи с проведением политики импортозамещения, поддержки и развития приоритетных направлений науки, технологий и техники на фоне антироссийских санкций со стороны ЕС и США.

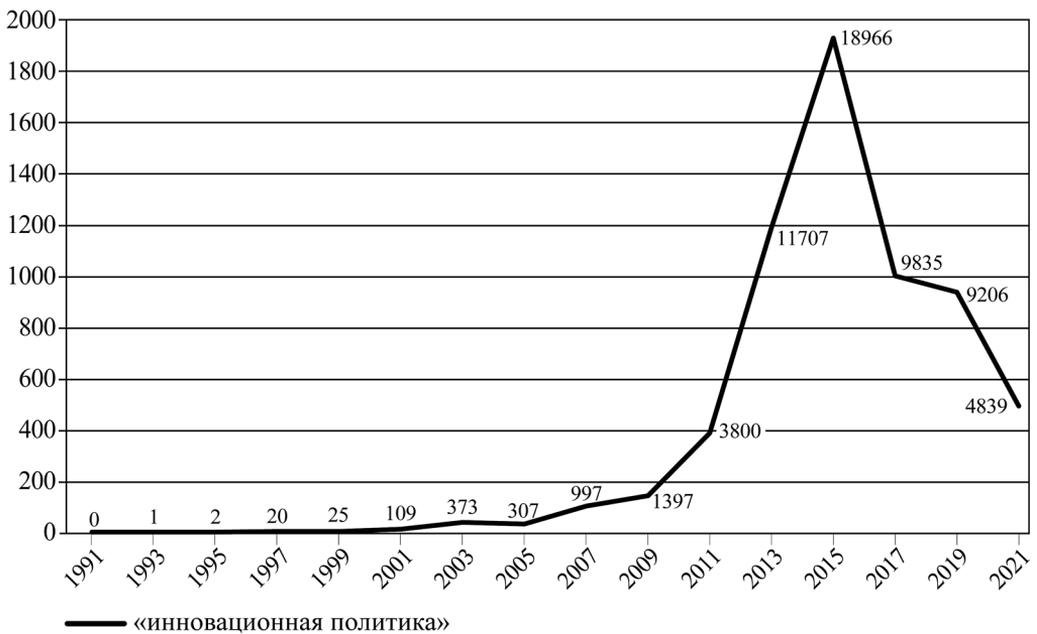

Рисунок 1. Динамика упоминаний термина «инновационная политика» в СМИ, 01.01.1990–14.07.2021

Источник: Информационное агентство «Интерфакс».

Нарративы об инновациях непосредственно связаны со значимыми экономическими и социальными событиями, а также отражают понимание акторами роли этих событий в исторической перспективе развития российской инновационной системы. Нарративы в социальных науках при описании тех или иных исторических событий редко являются нейтральными [Franzosi 1998], так как при освещении той или иной новости можно проследить идеологическую составляющую, которая явно или скрыто транслируется в общественном дискурсе.

Методика исследования

Согласно международным рейтингам, Россия не входит в число лидеров по разработке и коммерциализации инноваций: глобальный индекс инноваций (Global Innovation Index), оценивающий национальную инновационную систему 132 стран, определил Россию на 45-е место в общем рейтинге и на 10-е – среди стран со средними доходами [Global Innovation Index 2021]¹. Несмотря на позитивные сдвиги в области финансирования науки, влияния инноваций на экономику, результативности научно-технической и инновационной деятельности, по-прежнему злободневными остаются проблемы, связанные со слабой институциональной средой, неразвитостью российской законодательной базы, а также с незначительным интересом и низкой активностью со стороны бизнеса к российским инновациям [Глобальный инновационный индекс 2021].

Для качественного нарративного анализа вышеуказанных проблемных аспектов функционирования РИС и, в частности, низкого спроса на инновации была использована база данных, состоящая из 43 рейтинговых средств массовой информации и интернет-ресурсов (по рейтингам компании «Медialogия»: «Федеральные СМИ: 2020 год»²), отобранных в системе мониторинга и анализа СМИ «Медialogия». Для данного исследования выбор нарративов из интернет-источников СМИ как качественного ресурса был не случаен, так как, согласно исследованию Deloitte, новостным и аналитическим интернет-ресурсам (включая официальные сайты госкомпаний и госорганов), а также социальным сетям и блогам доверяет больше половины населения России (55%) [Медиапотребление в России 2020].

После создания базы из 43 рейтинговых интернет-источников был осуществлен первоначальный отбор нарративов на основе контент-анализа по 30 ключевым словам³, отражающих различную инновационную проблематику в электронной базе «Интегрум»⁴ (с 1 января 2010 г. по 1 июля 2021 г.). Ключевые слова выделялись на основе авторского понимания исследуемой проблемы, а также согласно первоначальному анализу качественных исследований РИС. В результате поиска образовался портфель из 33491 статьи (без перепечаток); далее в ходе анализа текстов были выявлены 1149 нарративов, которые использовались для качественного анализа функционирования российской инновационной системы. Впоследствии из этих 1149 нарративов были отобраны 229, содержащих информацию, которая касалась формирования спроса на инновации (в частности проблемы

¹ За 10 лет активно декларируемой инновационной политики (начиная с создания научно-технологического и инновационного центра «Сколково») России удалось подняться с 56-го места лишь на 45-е [Global Innovation Index 2011].

² Рейтинг самых цитируемых СМИ за 2020 год // Mlg.ru // <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/10165/>, дата обращения 20.06.2022.

³ 30 ключевых слов: инновационные технологии, развитие технологий, наука и технологии, научные разработки, внедрение технологий, научные школы, инновационная деятельность, новые технологии, инновационная экономика, внедрение инноваций, инновационная система, инновационные предприятия, технологии будущего, наука и инновации, развитие инноваций, национальные проекты и инновации, инновационный кластер, наукоемкие производства, инновационная политика, наука и бизнес, инновации и технологии, инновационное предпринимательство, спрос на инновации, управление инновациями, использование патентов, наука и предпринимательство, внедрение научных разработок, коммерциализация научных разработок, внедрение изобретений, коммерциализация инноваций.

⁴ «Интегрум» – электронная база данных периодических источников информации.

финансирования, разработки, внедрения инноваций, стадии коммерциализации инновационного продукта и другие).

С помощью нарративного анализа были определены условия, факторы, барьеры, а также институциональные практики, которые воздействуют на формирование спроса на инновации со стороны трех акторов (государства, бизнеса, академии), непосредственно участвующих в построении РИС. В процессе изучения нарративов трех акторов также определялась тональность текстовых фрагментов, которые содержали позитивный, негативный или нейтральный контексты упоминания о спросе на инновации в России. Этот анализ представляется весьма актуальным, так как акторы РИС транслируют аудитории СМИ свое отношение к инновационным процессам, происходящим в России, и в дальнейшем могут формировать общественное мнение, влияющее на поведение аудитории, например посредством создания стимулов к инновационной деятельности, через инициирование инновационной активности и спроса на инновации [Вольчик, Фурса, Маскаев 2021].

Изучение тональности текстовых фрагментов осуществлялось путем анализа эмотивных конструкций, которые транслировали аудитории отношение акторов РИС к проблемам формирования спроса на инновации [Тоганова и др. 2016, с. 112]: например, негативный контекст содержит такие специфические словосочетания и предложения, как «крайне низкие экономические стимулы», «проекты, которые не оправдывают себя», «инновационная активность так плохо растет», «спрос нельзя стимулировать», «эти механизмы никогда не приживаются», «не приобрело массового характера», «по-прежнему испытывают трудности» и другие. Следует отметить, что негативный или драматизирующий контекст изложения нарративов об инновационной активности привлекает к себе большое внимание и становится «вирусным» в силу популярности обсуждаемой проблемы и благодаря особенностям подачи информации СМИ: негативный контекст имеет больший отклик у аудитории СМИ и более высокую скорость распространения, чем нарратив, содержащий позитивный контекст [Вольчик, Фурса, Маскаев 2021]. Словосочетания эмотивной лексики в дискурсах, имеющие позитивный контекст, формируют у аудитории СМИ одобрительное отношение к инновационной деятельности: «они способны предъявить платежеспособный спрос», «существует еще спрос со стороны населения», «у нас есть свои традиции, свои преимущества», «российское оборудование более надежно в наших условиях, оно может быть более долговечно», «отечественные приборы выгодно отличаются по цене», «российские технологические компании торговать умеют», «за последние годы создан серьезный задел» и другие. Также в ходе анализа было установлено, что нейтральный контекст нарративов не содержал каких-либо оценочных высказываний, собственного мнения акторов РИС и, как правило, носил описательный характер событий, характеристик, тенденций, связанных со спросом на инновации.

Протонарративы о спросе на инновации

Проведенный анализ словосочетаний эмотивной лексики, содержащейся в 229 нарративах о спросе на инновации, позволил определить позитивный, негативный и нейтральный контексты изложения инноваций, а также дать описа-

тельные статистические характеристики в отношении оценки акторами условий, факторов, барьеров, влияющих на инновационную активность и формирование инновационного спроса. Среди 229 нарративов трех акторов (государства, бизнеса, академии) о спросе на инновации преобладали негативные дискурсы: больше половины всех нарративов (54,6%) содержали неблагоприятную тональность текстовых фрагментов и только 30,6% дискурсов – позитивную; доля нарративов, содержащих нейтральное отношение к происходящим событиям, составила 14,8%. Характер звучания текстовых фрагментов также варьировал в зависимости от контекста изложения нарратива каждым отдельно взятым актором (таблица 1).

Таблица 1. Тональность нарративов, транслируемых акторами РИС, %

Контекст нарративов:	Государство	Бизнес	Академия
негативный	42	52,7	70,1
позитивный	43	27,9	20,9
нейтральный	15	19,4	9

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

Самая высокая доля негативных нарративов среди акторов РИС наблюдалась у представителей академического сообщества (70,1%), поскольку ученые достаточно скептически относятся к реализации инновационной политики из-за проблем финансирования, отсутствия знаний и навыков в области коммерциализации, внедрения инноваций, различных результатов инновационной деятельности в академии и бизнесе.

Нарративы о транзакционных издержках

Главными проблемами, препятствующими формированию спроса на инновации, по мнению ученых, являются отсутствие эффективного взаимодействия между акторами РИС, нехватка определенных инфраструктурных и институциональных элементов, которые позволили бы сделать коммерциализацию разработок непрерывной.

«В силу ряда причин в России крайне велик разрыв между наукой и бизнесом, и, следовательно, ситуация с коммерциализацией научных разработок оставляет желать лучшего. Отчасти это связано с тем, что спрос на разработки пока невысок: результаты научных изысканий в большей степени нужны только промышленности, возрождение которой началось не так давно, и до недавнего времени формировать

спрос на научные результаты было некому. Надо отметить, что и со стороны науки делается очень мало, чтобы преодолеть эту пропасть: у нас сложился такой формат финансирования этой сферы, который слабо ориентирован на коммерциализацию: ученые получают гранты, а основной формой отчетности по этим грантам являются их публикации»⁵.

Государство и бизнес в своих нарративах также идентифицировали проблему преодоления практик неэффективного взаимодействия между акторами РИС как одну из важных задач экономического развития.

«Среди тех проблем, которые есть у нас, совершенно очевидно нужно упомянуть низкий уровень кооперации между наукой и частным бизнесом, недостаточную востребованность спроса на инновации, о чем мы не устаем говорить последние лет семь-восемь»⁶.

«В России не существует ресурсов, объединяющих изобретателей, инвесторов, производственные площадки и государственный сектор. Важно собрать всех участников процесса вместе»⁷.

«Сегодня есть крупные компании, которые умеют пользоваться внутренними разработками, у кого-то из них сохранились отраслевые НИИ. Но эти игроки зачастую не знают, как внедрять инновационные продукты со стороны. Сотрудничать с высокотехнологичными малыми предприятиями они не умеют»⁸.

Наибольшее количество позитивного контекста в нарративах наблюдалось в высказываниях представителей государственных органов (43%). Это объясняется тем, что в последнее десятилетие именно государство декларирует проведение активной инновационной политики: в 2011 г. была разработана и принята «Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года», другие нормативно-правовые акты; также в государственных нарративах о спросе на инновации продвигалась идея стимулирования инновационной активности бизнеса и академических структур.

«Проведена серьезная работа по созданию отечественных исследовательских центров мирового уровня в сфере атомной энергетики, авиации, космонавтики, объединены ресурсы ведущих академий, на этой базе образованы федеральные научные центры, нацеленные на проведение масштабных междисциплинарных исследований в области генетики, биотехнологий, химии.

⁵ Ивашенко А. (2018) Трансфер технологий // Известия. 2 апреля 2018 // <https://iz.ru/723199/andrei-ivashchenko/transfer-tekhnologii>, дата обращения 20.06.2022.

⁶ Христова К. (2016) Медведев заявил, что инновации в России мало востребованы // Комсомольская правда. 26 января 2016 // <http://www.kp.ru/online/news/2288326/>, дата обращения 20.06.2022.

⁷ Эксперты обсудили вопросы разработки единой IT платформы «Технокомпас» (2017) // ТАСС. 7 марта 2017 // <https://tass.ru/novosti-partnerov/4077260>, дата обращения 20.06.2022.

⁸ Туркот А. (2014) Венчурные фонды уходят из России? Замена найдется // РБК. 25 ноября 2014 // <https://www.rbc.ru/newspaper/2014/11/25/56bd66a59a7947299f72c651>, дата обращения 20.06.2022.

В России более 150 сильных государственных научных институтов, центров, вузов, которые вносят заметный вклад в науку, на них приходится 70% патентов, выдаваемых в РФ, и 80% высокоцитируемых работ»⁹.

Однако при реализации инновационной политики государство не до конца разработало и предусмотрело институциональную инфраструктуру для создания и коммерциализации инноваций, источники их финансирования, стимулы для роста инновационной активности, нормативно-правовую базу, регулирующую взаимодействие всех акторов РИС. Эти институциональные провалы в управлении РИС порождают недовольство сложившейся ситуацией в среде чиновников [Вольчик, Фурса, Маслюкова 2021], а также формируют негативную оценку результатов инновационной деятельности бизнеса и академии (42%).

«Увеличение государственного финансирования науки все еще не сопровождается “аналогичным вкладом” со стороны бизнеса. А ведь повышение уровня инновационности нашей экономики – это еще и вопрос национальной безопасности»¹⁰.

Российская инновационная система во многом сохраняет наследие советской практики, поэтому в нарративах об инновациях и технологиях очень часто встречаются речевые обороты, происходящие из дискурса времен СССР: самой узнаваемой фразой является «внедрение инноваций». В плановой экономике развитие производства также сопровождалось рационированием, касающимся технологических усовершенствований, поэтому новые технологии необходимо было внедрять либо по разработанным свыше планам, либо посредством реализации низовых инициатив местных инженеров-рационализаторов.

Частотный анализ, который был проведен по базе нарративов, отнесенных к центральной проблеме спроса на инновации, показал, что оборот, связанный с внедрением инноваций или технологий, встречается 181 раз, а спрос на инновации – только 55. Если исследовать по двум ключевым словам тексты книг, издаваемых на русском языке, через Google Books Ngram Viewer¹¹, то результаты будут аналогичные: «внедрение инноваций» значительно опережает «спрос на инновации» (рисунок 2).

Эволюция инновационных процессов, которая осмысливается через построение разного рода моделей и таксономий, получает свое отражение в нарративах, описывающих механизмы развития инновационных систем в контексте исторического развития [Roud 2018, p. 238]. Такие нарративы являются примером протомоделей инновационной системы; именно они используются политиками или лидерами общественного мнения при объяснении успехов или неудач в сфере инноваций.

⁹ Лопухина К. (2016) Наука как ключевой фактор суверенитета // Ассоциация государственных научных центров «Наука». 22 января 2016 // <http://agnc.ru/news/7368>, дата обращения 20.06.2022.

¹⁰ Замахина Т. (2016) Нарышкин: «Задачи развития образования и науки должны быть ключевыми» (2016) // Российская газета. 16 мая 2016 // <https://rg.ru/2016/05/16/naryshkin-zadachi-razvitiia-obrazovaniia-i-nauki-dolzhybut-kliuchevymi.html>, дата обращения 20.06.2022.

¹¹ Google Books Ngram Viewer // <https://books.google.com/ngrams>, дата обращения 20.06.2022.

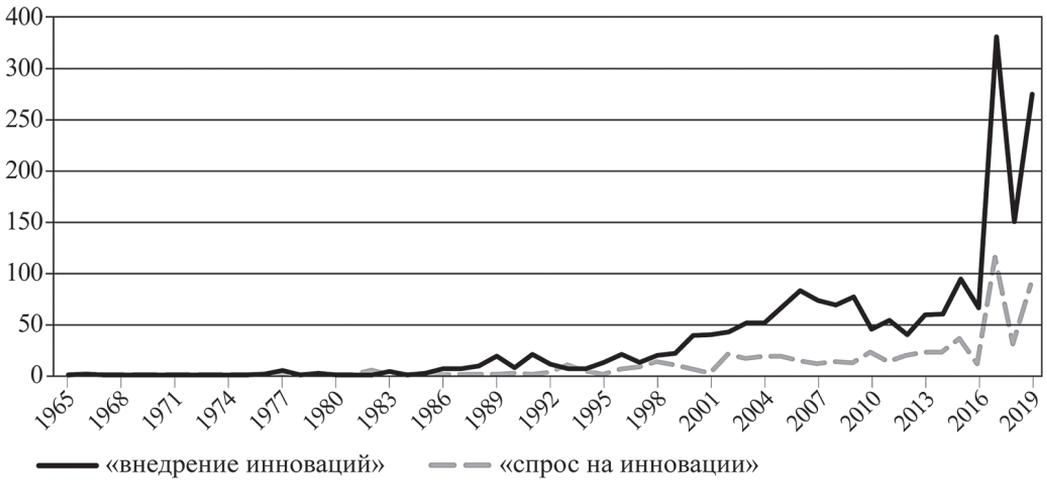

Рисунок 2. Анализ текста книг по словосочетаниям «внедрение инноваций» и «спрос на инновации»

Источник: Google Books Ngram Viewer.

В российской практике большое внимание уделяется внутреннему спросу на инновации, причем стимулирование этого спроса в значительной мере отводится государству. На протяжении десятилетий в научной литературе присутствует нарратив о том, что государство очень скоро сформирует необходимые институты, будут приняты необходимые законы, созданы инновационные корпорации для запуска инновационных процессов нового качества. Безусловно, в России уже более двадцати лет непрерывно разрабатываются нормативные акты, с помощью которых осуществляются попытки создания «институциональных механизмов технико-технологической модернизации» [Пахомова и др. 2015, с. 22]. Однако причины недостаточного спроса на инновации и высоких транзакционных издержек в инновационной сфере связаны с более фундаментальными процессами в российской экономике, сопряженными с системой ценностей и верований акторов, которые раз за разом в исторической перспективе воспроизводят неэффективные механизмы внедрения инноваций в широкое производство. Кроме того, при изучении инновационной системы необходимо учитывать логику осуществления технологических инноваций. Ее сущность заключается в том, что даже если новые текущие издержки производства будут ниже старых, то переход к новому технологическому укладу не произойдет, если кумулятивная разница между старыми и новыми текущими издержками не будет перекрывать капитальные затраты. Если же сформулированное условие будет выполнено, то будут произведены инвестиции в новое оборудование с последующим становлением нового технологического уклада в экономике [Балацкий 2003, с. 55]. Для кардинального улучшения требуются устойчиво высокий рост экономики и длительные горизонты производственного планирования, в том числе в сфере инноваций.

Нарративы о стимулах российского бизнеса

Важнейшей ключевой проблемой инновационной системы и, возможно, даже всей российской экономики остается отсутствие воспроизводящихся эффективных механизмов раскрепощения, стимулирования и восходящей имплементации низовых инициатив акторов, представляющих академию, бизнес и государственное управление.

Предпринимательская деятельность является инновационной по определению, так как предприниматель в процессе конкуренции создает новое знание [Hayek 2002], позволяющее ему принимать решения, которые приводят к преимуществам и получению прибыли. Однако в условиях несовершенных институтов национальной инновационной системы его решения будут мало способствовать внедрению технологических инноваций, если по ряду значимых для него условий альтернативные варианты дают большую прибыль с учетом рисков и вероятности потерь. Например, распространенной является точка зрения, отраженная в следующем нарративе:

«Бизнесмен, особенно российский, по определению не будет вкладываться в какие-то серьезные научные разработки. Сам способ российского бизнесмена, он венаучный, а порой даже и не бизнесовый. <...> Вы думаете, российские бизнесмены занимаются реальным бизнесом? Это некая хозяйственная модель, построенная на “отщипывании” государственных узлов и перепродаже разных ресурсов. Чтобы серьезно финансировать науку, нужны годы. А кто в России так работает? Поэтому я уверен, что в России наука и бизнес при нынешней системе не скоро найдут общий язык. По крайней мере, в области биомедицины»¹².

Нарратив об отсутствии достаточного спроса на инновации имеет значительную интеллектуальную базу, которая проявляется как явно, так и неявно. Большинство из акторов изучали или что-то слышали о элементарной экономической концепции альтернативных издержек. По этой причине отсутствие спроса на производство технологически сложной продукции можно легко объяснить наличием более прибыльных альтернатив для предпринимателей. Поэтому для инноваций в России сформировался вирусный нарратив, который можно кратко сформулировать следующим образом: «мы очень хорошо генерируем идеи и даже создаем опытные образцы, но не можем это внедрить в массовое производство и, следовательно, получить достаточную прибыль» [Грэхэм 2014; Скоренко 2017].

Следует также отметить, что быстрорастущие компании (фирмы-«газели») в российских условиях в своей стратегии развития опираются больше на получение ренты и ограничения конкуренции путем доступа к различного рода преференциям, связанным с административным ресурсом. Несмотря на это, подобная стратегия могла бы способствовать инновационному развитию, если бы, например, такие фирмы были ориентированы на экспорт и включены в глобальную конкуренцию (по опыту Южной Кореи) [Юданов, Яковлев 2018, с. 85].

¹² Если в науке не будут предприняты энергичные шаги в ближайшие месяцы, поезд уйдет (2014) // Saveras.ru. 12 февраля 2014 // <http://www.saveras.ru/archives/7128>, дата обращения 20.06.2022.

Нарративы о низовых инициативах акторов РИС

Отсутствие спроса на инновации в России связано прежде всего со слабым проникновением рыночных отношений на низовой уровень экономики, что отражается на количестве и качестве предпринимательских инициатив. Тот факт, что внедрение и тиражирование инноваций сталкиваются с непреодолимыми трудностями в различные исторические эпохи (при царском режиме, во времена СССР и в постсоветской периоде), приводит к заключению о возможных фундаментальных причинах этих процессов [Латов, Латова 2015, с. 39]. Такие причины обусловлены системными значимыми факторами: доминирующими ценностями, институциональным и межличностным доверием, восприимчивостью к предпринимательской деятельности. Все названные факторы связаны с институтами, которые устойчиво воспроизводились в системе российской экономики в разные исторические эпохи. Существующие ныне институты (которые могут быть очень разнообразными – от системы образования до судебной системы) затрудняют конкурентные взаимодействия между акторами, воспроизводя разного рода ограничения, связанные с запретительным ростом транзакционных издержек.

В российских условиях инновационная активность значительно смещена в сторону крупных и возрастных, чаще всего связанных с обрабатывающей промышленностью высокотехнологичных и низкотехнологичных отраслей [Симачев, Кузык 2021, с. 119]. В мелких и только возникающих фирмах эта деятельность не так ярко выражена, что, с одной стороны, логично, исходя из финансовых и организационных возможностей малого и среднего бизнеса, а с другой – косвенно свидетельствует о значительных транзакционных издержках при взаимодействии фирм и академических организаций, создающих инновации.

Результаты социологических исследований показывают, что российские работники слабо вовлечены в инновационные процессы на предприятии: предлагают инновации только 6,3% работников, причем у 60% из них это не входило в их непосредственные обязанности; реализовать свое предложения смогли только 58% работников. Также фактором, затрудняющим инновационную деятельность, можно считать невысокий процент (18%) институционализации сбора инновационных идей на предприятии (специальные службы и механизмы). Еще одним важным моментом является слабое развитие механизмов самоорганизации работников для инновационной деятельности: только 22% опрошенных отметили, что руководство поощряет создание групп для решения нестандартных задач [Нефедова, Чернышева 2021, с. 82, 84].

Государственная политика по стимулированию инноваций также приводит к неоднозначным результатам. [Симачев, Кузык 2021, с. 126]. В таких условиях российская инновационная система попадает в замкнутый круг недостаточности спроса на инновации и низкой восприимчивости генераторов инноваций к рыночным сигналам. Ситуацию усугубляет относительная неразвитость среднего и малого бизнеса. Также спрос на инновации не согласуется с потребностями бизнеса ввиду возникающих искажений в спросе и предложении инноваций, связанных с планированием научных и инновационных разработок со стороны государства. Действительно, как показывает анализ государственных программ и приоритетных направлений науки, технологий и техники в России, многие из таких направ-

лений не изменяются десятилетиями, а иногда даже продолжают инерцию советского планирования [Клытин, Калюжный 2015].

В этой связи возникает резонный вопрос: как институционально построить механизмы связи между низовыми потребностями бизнеса и планированием научных и инновационных разработок? На поверхности лежит механизм, основанный на создании эффективных рынков инноваций, на которых фирмы, независимо от размера и имеющейся рыночной власти, могли бы давать сигналы о своих потребностях в тех или иных направлениях инновационных и научных разработок. Одним из механизмов, которые способствуют институционализации эффективно-го спроса на инновации, становится интеграция онлайн- и офлайн-потребления, которая, например, в Китае, рассматривается как один из важнейших способов улучшения предпринимательской среды и развития инновационного предложения в соответствии с требованиями развивающихся внутренних рынков [Аносов 2021].

Низкая эффективность реализации трех функций институтов РИС

Низкий спрос на инновации со стороны российского бизнеса также может формироваться под воздействием факторов, которые определяются качественными характеристиками институциональной структуры экономики. Важнейшими функциями институтов в рыночной экономике являются поддержание стабильности осуществления трансакций, защита прав собственности и снижения трансакционных издержек, но в российской инновационной системе все три функции институтов реализуются с низкой эффективностью.

Нестабильность и недостаточная судебная защита прав собственности негативно влияют на формирование устойчивого спроса на инновации. В российской хозяйственной практике распространен нарратив, который транслирует мнение, что до тех пор, пока фирма маленькая, она никому не нужна, но стоит ей набрать силу, сопровождающуюся ростом прибыли, она становится интересна не только конкурентам, но и связанным с конкурентами государственным структурам. В данном представлении содержится явный посыл, что развитие выше некоторого уровня возможно только при наличии административного ресурса, позволяющего защитить права собственности. В таких условиях развивающиеся инновационные фирмы сталкиваются с серьезными барьерами, преодоление которых требует значительных ресурсов. Внедрение инноваций также запускает механизмы возрастающей отдачи, которые при конкурентном успехе обуславливают рост фирмы. Но описанные выше институциональные ограничения сдерживают этот рост, а также ограничивают спрос на инновации; создается порочный круг сдерживания инновационной активности фирм.

Инновационная система в идеале формирует связи между «экономикой исследований» и «коммерческой экономикой». В российской практике основные барьеры для внедрения инноваций возникают именно из-за высоких трансакционных издержек таких связей [Крылов 2021].

Для запуска устойчивого спроса на инновации необходимы такие условия, чтобы потенциальные инновационные предприятия могли в среднесрочном и долгосрочном периоде рассчитывать на получение прибыли. При этом

в современных условиях получение прибыли (и, соответственно, значительное снижение издержек при увеличении объемов производства) возможно при запуске эффектов возрастающей отдачи. Именно постепенное замещение производств с доминирующей убывающей отдачей на производства с возрастающей отдачей стало результатом непрерывного процесса внедрения все новых и новых технологий. В настоящее время такими технологиями становятся информационные и компьютерные, которые не только изменяют привычный мир бизнеса убывающей отдачей, но и запускают механизмы, позволяющие легко масштабировать новые технологические решения [Arthur 2015]. Системы с возрастающей отдачей и положительной обратной связью предполагают существование гибкой институциональной и организационной структуры, которая сдерживает и структурирует неравновесные процессы.

Механизмы возрастающей отдачи существовали на протяжении всей истории человечества: например, они были связаны с международной торговлей. Однако широкое распространение возрастающей отдачи в экономике сопряжено с промышленной революцией. В работах экономических историков подчеркивается, что развитие и имплементация технологий, которые использовались в ходе промышленной революции, произошли только после глубоких институциональных изменений, способствующих развитию рыночных механизмов. Именно формирование рыночной инфраструктуры предшествует запуску технологической революции и значимых инноваций.

В российских условиях механизмы запуска возрастающей отдачи на производствах различного типа сдерживаются несовершенной институциональной структурой. По этой причине единичные инновационные опытные образцы редко запускаются в серию с выходом на значительные рынки, где может быть задействована возрастающая отдача. Бизнес в сложившихся институциональных условиях ориентирован на более простые и традиционные решения, гарантирующие прибыль в краткосрочном периоде. Поэтому спрос на инновации не формируется в достаточном объеме из потребностей рыночно-ориентированного частного бизнеса.

Наряду с такими функциями институтов в рыночной экономике, как стабильность трансакций, защита прав собственности, снижение трансакционных издержек, на формирование спроса на инновации оказывает значимое влияние доверие между акторами российской инновационной системы. Внедрение технологических инноваций требует значительных инвестиций, рассчитанных на длительные сроки окупаемости. Если уровень доверия низкий, то вероятность того, что проекты с длительным сроком окупаемости окажутся немногочисленными, возрастает, и в этих условиях фирмы будут выбирать более простые варианты развития бизнеса, не связанные с крупными инвестициями в инновации.

Нарративы о дефиците доверия между акторами

В условиях информационной асимметрии на рынке инноваций доверие становится одним из основополагающих параметров оценки взаимодействия акторов российской инновационной системы. При этом под доверием следует понимать «возникающее у членов общества ожидание того, что другие его члены будут вести

себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами» [Фукуяма 2004, с. 55].

Доверие является одним из главных факторов, который влияет на скорость принятия решений, отражает эффективность функционирования экономических институтов в РИС, оказывает значимое влияние на макроэкономическое развитие. Чем выше уровень доверия между акторами, тем эффективнее они будут коммуницировать друг с другом в сфере создания и коммерциализации инноваций, то есть будут упрощаться процессы кооперации, а следовательно, сокращаться транзакционные издержки, будут снижаться уровень неопределенности и венчурные риски.

«Чем выше степень доверия граждан, тем более эффективно взаимодействие друг с другом. Появляются стартапы, реализуются различные новые проекты. Упрощаются процессы и повышается скорость принятия решений, вплоть до реализации. Успешность того или иного проекта, как и сделки, строится на доверии участников»¹³.

Если в обществе преобладает недоверие, которое можно сравнить с введением дополнительного налога на все формы экономической деятельности [Фукуяма 2004, с. 55], то в управлении инновационной системой возникают дисфункции, появляются негативные стимулы, влияющие на формирование спроса на инновации, а акторы начинают взаимодействовать, только основываясь на формальных правилах и нормах. Кроме того, акторы вынуждены постоянно перестраховываться, что приводит к увеличению транзакционных издержек [Вольчик 2012, с. 12–14].

Типологию доверия между акторами РИС можно построить по двум критериям: (меж)личностное доверие и институциональное доверие [Давыденко, Ромашкин 2010, с. 134]. Межличностное доверие строится на доверии между людьми, высокий уровень этого фактора сокращает транзакционные издержки при заключении контрактов между акторами российской инновационной системы, а также расширяет круг будущих участников формальных и неформальных соглашений [Латов 2010]. Институциональное доверие формируется как доверие населения к социальным институтам и их представителям, которые генерируют общественные «правила игры» и нормы [Латов 2010]. Доверие к институтам служит прочным фундаментом для построения РИС, помогает акторам эффективно взаимодействовать, реализовывать совместные венчурные проекты и долгосрочные программы развития. В сознании акторов российской инновационной системы эти два типа доверия накладываются друг на друга, тесно переплетаясь между собой: так, доверие или его дефицит в отношении конкретного участника РИС (ученого, государственного служащего, предприятия) может транслироваться на весь институт (например на органы государственной власти, крупный бизнес, академию и других), участвующий в развитии инновационной активности.

Информация об уровне доверия как качественной характеристики взаимодействия между акторами РИС основывается прежде всего на данных социологи-

¹³ Бахвалова М. (2019) Никому не верю. Как доверие связано с экономическим ростом? (2019) // Rambler.ru. 12 декабря 2019 // <https://finance.rambler.ru/other/43332103-nikomu-ne-veryu-kak-doverie-svyazano-s-ekonomicheskim-rostom/>, дата обращения 20.06.2022.

ческих опросов населения: так, согласно данным опроса Ipsos¹⁴ о доверии, всего 24% россиян готовы доверять людям (межличностное доверие). Эти данные свидетельствуют о низком уровне обобщенного доверия в России, однако подобная тенденция наблюдается в настоящее время во многих странах, для которых отличительной чертой современного развития стал кризис доверия (уровень доверия по 30 странам составил в среднем 30%). Самый высокий уровень доверия отмечен в Китае – 56%, самый низкий наблюдался в таких странах, как Турция (14%), Малайзия (13%), Бразилия (11%)¹⁵.

Что касается уровня институционального доверия в России, то, согласно данным опроса Аналитического центра Ю. Левады¹⁶ в 2021 г., наибольшее доверие у населения вызывают такие политические и социальные институты, как армия, президент России, ФСБ и спецслужбы, церковь и религиозные организации, благотворительные организации (таблица 2). Меньше всего люди доверяют политическим партиям, крупному бизнесу, профсоюзу, Государственной Думе, российским банкам и Совету Федерации.

Таблица 2. Результаты ответа на вопрос «в какой мере, на Ваш взгляд, заслуживают доверие...?», % ответивших «вполне заслуживают», 2021 г.

Институт	%
Армия	61
Президент России	53
ФСБ / другие спецслужбы	45
Церковь, религиозные организации	40
Российские благотворительные организации	36
Печать, радио, TV	36
Малый и средний российский бизнес	33
Правительство России	33
Региональная власть	31
Местные органы власти	29
Полиция	29
Российские банки	28
Суд	28
Прокуратура	28
Совет Федерации	25
Государственная Дума	25
Профсоюзы	20
Крупный российский бизнес	18
Политические партии	17

Источник: Доверие общественным институтам (2021) // Левада-Центр. 6 октября 2021 // <https://www.levada.ru/2021/10/06/doverie-obshhestvennym-institutam/>, дата обращения 20.06.2022.

¹⁴ Ipsos – крупнейшее агентство маркетинговых исследований, специализирующееся на AdHoc-исследованиях.

¹⁵ Interpersonal Trust across the World (2022) // Ipsos // https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2022-03/Global%20Advisor%20-%20Interpersonal%20Trust%202022%20-%20Graphic%20Report_0.pdf, дата обращения 20.06.2022.

¹⁶ АНО «Левада-Центр» внесена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

Население России демонстрирует дефицит доверия не только к правительству, региональным и местным властям, бизнесу (крупному, малому и среднему), но и отечественным ученым: так, согласно социологическому опросу ВЦИОМ, с 2010 по 2020 г. доля респондентов, полностью доверяющих ученым (абсолютное доверие), сократилась более чем в два раза; особенно сильно недоверие к ученым («скорее не доверяю») выросло за последние 3 года – с 2 до 12%. Одним из факторов такого снижения доверия могли послужить нарративы, которые транслировались в СМИ о модернизации системы образования и науки, нестабильном положении ученых и РАН, снижении авторитета науки в обществе (таблица 3).

Таблица 3. «Насколько Вы доверяете представителям ученых профессий?»: закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных

Годы	Полностью доверяю	Скорее доверяю	Скорее не доверяю	Совершенно не доверяю	Затрудняюсь ответить
2010	28	43	5	3	21
2012	28	39	8	5	20
2013	29	39	5	4	23
2014	29	39	5	4	23
2015	31	35	4	4	26
2017	39	40	3	2	16
2020	12	63	14	2	9

Источник: Абрамов К. (2021) Доверие общественным институтам // ВЦИОМ // https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/210625_Krizis_doverija_Abramov.pdf, дата обращения 20.06.2022.

Низкий уровень межличностного и институционального доверия в России распространяется также на российскую инновационную систему. Анализ нарративов по проблеме спроса на инновации отражает дефицит доверия между государством, бизнесом и академией. Так, например, представители бизнеса в своих нарративах отмечают:

«Вложения в инновации – очень рискованные: многие разработки проваливаются, начинающие компании банкротятся. Для частного инвестора тут все понятно: вкладывая деньги в инновации, он может как много заработать, так и все потерять. А государство смотрит на этот вопрос по-другому. Для силовиков, Счетной палаты главное – чтобы бюджетные деньги не тратили впустую. И когда инвестиция не приносит ожидаемого результата, они видят в этом растрату, хищение, злоупотребление. А поскольку деньги государственные, то и контроль тут самый жесткий: сразу начинается поиск крайних, который приводит на скамью подсудимых. Поэтому нужно менять законодательство, чтобы рискованные вложения не приводили к уголовным делам, а инвестиции были доступны и защищены. Без этого нам не стоит ждать прорыва в инновациях»¹⁷.

¹⁷ Проскуряков Е. (2021) Ни силикона, ни долины // Комсомольская правда. 12 апреля 2021 // <https://www.kp.ru/daily/27262/4395147/?from=integrum>, дата обращения 20.06.2022.

Следует уточнить, что в некоторых случаях малые инновационные компании, стартапы, не доверяют крупному бизнесу, государственным и венчурным фондам, а при условии наличия собственных финансовых и административных ресурсов отказываются от внешнего финансирования и поддержки. Основными причинами такого недоверия являются высокий уровень неопределенности во взаимодействии акторов, стороннее вмешательство в управление стартапом или малой компанией, страх потери собственного бизнеса в результате поглощения более крупным партнером, чрезмерный бюрократизм при заполнении отчетности за предоставленную поддержку и другие. Так, руководитель и собственник одной компании по производству автоматической сортировки отходов отмечает:

«Основная причина, по которой я отказываюсь от внешних инвестиций, – это фактор лотереи. Что бы ни говорили, но инвестор начинает в той или иной степени вмешиваться в управление бизнесом. Хотя бы на уровне – на что можно тратить деньги, а на что нельзя. Если тебе повезет, то инвестор усилит твои позиции своими возможностями (речь не только о финансах: у него может быть административный ресурс, опыт и так далее). А вот если не повезет – наоборот, он утянет тебя на дно. Узнать это заранее невозможно. Даже если инвестор при первом общении создаст наилучшее впечатление, то это ровным счетом ничего не означает – вектор может повернуться на 180 градусов. Совершенно не хочется играть в эту лотерею «повезет – не повезет», особенно учитывая, что цена ей – целый бизнес»¹⁸.

Генеральный директор IT-компании «Инфомаксимум» указывает, что чужие инвестиции могут принести в инновационный проект множество подводных камней.

«Инвесторы и грантодатели всегда считают свои деньги и требуют отчетов о потраченных ресурсах. Бюрократия так или иначе поглощает время, которое можно и нужно тратить на развитие проекта, а не на заполнение бумаг. Гранты, которые мы выбрали когда-то как путь развития, – это все же больше про науку, поэтому вырастить на их основе коммерческую компанию практически невозможно. Спустя несколько встреч мы остановились на одном из инвесторов – крупном предпринимателе, который был готов вложить 50 млн рублей в первый этап производства. Но почти сразу начали появляться новые условия: сперва мы с партнером должны были войти в его ООО. Затем инвестор настоял на переезде в город, где он проживал. Последней точкой для нас стал разговор о 100%-м реинвестировании заработанных средств в течение пяти лет. Нам же было предложено работать на зарплате. Тогда у нас и возникли определенные подозрения, что привлечение инвестиций на таких условиях – такой же найм»¹⁹.

Дефицит доверия между акторами российской инновационной системы становится одним из значимых факторов, который подавляет экономические стимулы

¹⁸ Соколова А. (2021) Зато не в кредит // Секрет фирмы. 1 декабря 2021 // <https://secretmag.ru/practice/zato-ne-v-kredit-istorii-predprinimatelei-kotorye-otkazalis-ot-deneg-investorov.htm>, дата обращения 20.06.2022.

¹⁹ Там же.

для формирования спроса на инновации. Кроме того, недоверие экономических агентов к правительству и проводимой им политике может являться непосредственной причиной технологической отсталости страны, и если не изменить общеполитическую ситуацию, то экономическая система останется в технологической ловушке [Балацкий 2003, с. 56].

Еще одной стороной низкой востребованности инноваций становится нехватка экспертов, которые могли бы оценить инновационные разработки, проекты.

«За границами Интернета с прорывными идеями тоже плохо. А если и появляются ноу-хау, то зачастую остаются невостребованными. Наше общество пронизано неверием в свои силы, – делится наблюдениями руководитель “Е-авто”. – Обратили внимание на порочный круг: консультанты выдают положительные оценки тому, что они понимают; фонды принимают только то, что положительно оценивают консультанты. В итоге проблема не в том, что нет проектов, а в том, что у нас их не могут оценить»²⁰.

Существует значительный разрыв между академией с научными разработками, предпринимателями с идеями по внедрению инновациями и инвесторами, которые были бы готовы финансировать проект, связанный с внедрением инноваций. В академической сфере инновационная деятельность зачастую связана с международной кооперацией, однако в российских реалиях коллаборации отечественных и иностранных ученых сталкиваются с большим объемом отчетной документации, что приводит к дополненным затратам [Дежина, Ключарев 2021, с. 42].

Как уже отмечалось ранее, недостаточная инновационная активность российских фирм обусловлена дефектами инновационных систем (инфраструктурными, институциональными), с несовершенством взаимодействия и мощности. Несовершенство взаимодействия бизнеса с академией приводят к тому, что фирмы начинают ориентироваться не на создание, а на покупку уже готовых знаний и технологий: 37% фирм в ресурсных регионах и 52% в нересурсных при создании инноваций кооперируются лишь с поставщиками [Самусенко и др. 2020, с. 166]. Поэтому в нарративах часто встречается точка зрения, что российский бизнес не имеет достаточных стимулов и заинтересованности в кооперации с научными учреждениями для поисковых работ в плане создания технологий для последующего внедрения в производство.

«Надо понимать, что в цепочке исследований есть три основных звена. Все начинается с фундаментальной науки, за которую ответственность несет государство. Ее результаты используются в поисковых, ориентированных исследованиях. А дальше начинается прикладная наука, когда есть работающий прототип и бизнес готов вкладывать в него деньги. “Долина смерти” в России как раз посередине. Фундаментальный результат продемонстрирован, и государство говорит: “Ну все, дальше ищите деньги сами”. А бизнес отвечает: “Раз прототипа еще нет, я вкладываться не готов”»²¹.

²⁰ Зюзев А. (2011) Хотели инноваций, а получим как всегда? // Комсомольская правда. 7 июля 2011 // <https://www.kp.ru/daily/25716.4/914705/>, дата обращения 20.06.2022.

²¹ Черных А. (2018) Картофель, куры, сахар – у нас такие приоритеты // Коммерсант. 29 марта 2018 // <https://www.kommersant.ru/doc/3586265>, дата обращения 20.06.2022.

Кроме того, неразвитость рыночных механизмов в сфере создания и внедрения инноваций порождают проблемы в оценке эффективности академического сектора инновационной системы.

«– Минобрнауки считает, что РАН неэффективна, так как ученые из сотни академических институтов за последние годы не опубликовали ни одной научной работы в солидных журналах.

– А вы сравните стоимость одной публикации. У нас она в разы ниже, чем в США. Там на то, чтобы подготовить одну статью, исследователь тратит два миллиона долларов. А у нас – около 100 тысяч долларов. Мы более эффективны, чем США.

– А по публикациям я объясню: мамы разные нужны, мамы разные важны. Химики публикуют очень много статей. Физики – мало. У Ландау, по-моему, всего было штук 80. Да и те он писал в соавторстве.

– Есть институт, который делает радиопоглощающее покрытие для военной техники. Они не публикуют статьи. А эффект колоссальный.

– Есть индикативные оценки. Скажем, группа институтов, которые занимаются энергетическими исследованиями, оценивается вот так-то и так-то. А химией – по-другому. Соревнования должны быть среди одной весовой категории. Можно по размеру привлеченных средств от промышленности. Если вы делаете полезное дело, это купят. Институт, о котором я говорил, занимается уникальными исследованиями и зарабатывает миллиард рублей в год»²².

Для объяснения провалов спроса на инновации в России можно прибегнуть к анализу сравнительных моделей инновационного развития, которые присутствуют при обсуждении РИС. В нарративах китайская модель инновационного развития рассматривается как пример успеха. Более того, опыт Китая может быть сопоставлен с российским, так как в XX в. обе страны осуществили попытку строительства социалистической плановой экономики. Однако глубина укорененности плановых институтов и страновые особенности реформ сильно затрудняют сравнение социалистических экономик этих двух стран. Тем не менее некоторые выводы из практики проведения рыночных реформ в Китае и их влияние на инновации сделать все же можно. Так, с 2010 г. в Китае реализуется система поддержки инновационных предприятий малого и среднего бизнеса, а также программа выращивания «маленьких гигантов», работающих в сфере высоких технологий [Грибова 2021]; правительство Китая активно поддерживает инициативу «маленьких гигантов», число которых в 2021 г. составило 4762²³, способствует развитию их внутреннего потенциала, помогает преодолевать различные барьеры и продвигать инновационную продукцию. Российское государство в основном инициирует и содействует развитию стартапов, малых компаний на стадии их формирования, однако после того, как стартапы и малые компании вырастают, поддержка значи-

²² Милкус А. (2013) Из Академии наук хотели сделать второе общество «Динамо» // Комсомольская правда. 8 июля 2013 // <https://www.kp.ru/daily/26100/3000082/>, дата обращения 20.06.2022.

²³ Китай создаст 10000 «маленьких гигантов» в стремлении к развитию передового производства (2021) // PRC.today. 7 июля 2021 // <https://prc.today/kitaj-sozdast-10-000-malenkih-gigantov-v-stremlenii-k-razvitiyu-peredovogo-proizvodstva/>, дата обращения 20.06.2022.

тельно сокращается и компании вынуждены самостоятельно приспосабливаться к рыночным условиям, искать инвесторов. В результате в силу неэффективной институциональной инновационной среды, недостатка внешнего и внутреннего финансирования стартапы в большинстве случаев не могут продвигаться на внутренний рынок, они прекращают свое существование или являются объектом поглощения крупных промышленных компаний.

Китай, как и Россия, в условиях санкционных ограничений осуществляет переоценку проводимой ранее экономической политики. Для реализации инновационного прорыва правительство Китая переходит к новой стратегии развития «двойной циркуляции», которая формируется как политика выживания и процветания в условиях растущей глобальной нестабильности [Лю Сюнь 2021]. Эта политика направлена на развитие потенциала внутреннего рынка и импортозамещения (в частности импорт передовых технологий) для снижения воздействия внешних рисков на китайскую экономику. В качестве стимулирующих мер правительство Китая планирует расширение налоговых вычетов для компаний, осуществляющих затраты на НИОКР; специальные налоговые льготы для высокотехнологичных предприятий; реализацию механизма государственных закупок для поддержки производства инновационных продуктов; создание различных инновационных платформ; увеличение расходов на фундаментальные исследования более чем на 7% каждый год в течение пяти лет [Грибова 2021]; стимулирование цифровизации промышленности и модернизации логистических цепочек поставок; создание благоприятной институциональной среды для научных организаций (предоставление большей академической свободы; стимулирование низовых инициатив; отмену системы оценки по количеству опубликованных статей в рейтинговых журналах для китайских ученых), мобилизацию всех необходимых ресурсов для создания и продвижения инновационных продуктов [Кашин и др. 2021].

Заключение

Проведенный анализ научных исследований, осуществленных отечественными и зарубежными авторами в области РИС, а также 229 нарративов о формировании инновационного спроса подтвердили выдвинутую рабочую гипотезу о том, что существующее отставание в развитии национальной инновационной системы связано с недостаточностью спроса на инновации. Проведенное исследование позволило выделить пять групп протонарративов/протомоделей, раскрывающих проблемы формирования спроса на инновации. Эти группы представляют собой упрощенные объяснительные модели, содержащие информацию о социальном контексте, выявляют причины, факторы и механизмы формирования низкого спроса на инновации в России:

- наличие значительных транзакционных издержек при взаимодействии бизнеса и академических организаций, создающих и коммерциализирующих инновации;
- отсутствие достаточных стимулов российского бизнеса к активной инновационной деятельности: бизнес выбирает прибыльные краткосрочные проекты, связанные с государственным финансированием и перепродажей ресурсов;

- отсутствие воспроизводящихся эффективных механизмов раскрепощения, стимулирования и восходящей имплементации низовых инициатив акторов, представляющих академию, бизнес и государственное управление;
- низкая эффективность реализации трех функций институтов РИС: поддержание стабильности осуществления трансакций, защита прав собственности и снижения трансакционных издержек;
- дефицит доверия между бизнесом, академическими организациями и государственным управлением, вызванный несовершенством инфраструктурной и институциональной среды российской инновационной системы.

Предложенная статья носит в основном теоретический характер, однако ее практическая значимость может заключаться в более глубоком понимании процесса формирования и развития спроса на инновации в России, что в дальнейшем могло бы способствовать регулированию инновационной системы.

Список источников

- Аносов Б.А. (2021) Активизация потребительского спроса как залог успешного развития экономики КНР // Проблемы прогнозирования. № 6. С. 158–167. DOI: 10.47711/0868-6351-189-158-167
- Балацкий Е. (2003) Экономический рост и технологические ловушки // Общество и экономика. № 11. С. 53–76.
- Барков С.А., Зубков В.И. (2018) Метанарративы: судьба научных идей в эпоху постмодерна // Социология. № 2. С. 3–8 // <http://soziologi.ru/upload/iblock/c22/%E2%84%962%202018%20%D0%A1%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F.pdf>, дата обращения 20.06.2022.
- Барсукова С.Ю., Коробкова А.Д. (2014) Вступление России в ВТО в зеркале российских печатных СМИ // Экономическая социология. Т. 15. № 4. С. 20–44 // <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/sjk8h559ad/139635351.pdf>, дата обращения 20.06.2022.
- Вольчик В. (2012) Проблема доверия и модернизация институтов // Terra Economicus. Т. 10. № 2. С. 12–14 // https://te.sfedu.ru/evjur/data/2012/journal10_2_1.pdf, дата обращения 20.06.2022.
- Вольчик В.В., Фурса Е.В., Маскаев А.И. (2021) Перспективы развития российской системы сквозь призму качественных методов // Russian Journal of Economics and Law. Т. 15. № 4. С. 641–660. DOI: 10.21202/2782-2923.2021.4.641-660
- Вольчик В.В., Фурса Е.В., Маслюкова Е.В. (2021) Государственное управление и развитие российской инновационной системы // Управленец. Т. 12. № 5. С. 32–49. DOI: 10.29141/2218-5003-2021-12-5-3
- Глобальный инновационный индекс-2021 (2021) // Институт статистических исследований и экономики знаний. 20 сентября 2021 // <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/507879120.pdf>, дата обращения 20.06.2022.
- Грибова Н.В. (2021) Перспективы развития научно-технического потенциала Китая в 14-й пятилетке (2021–2025 гг.) // Проблемы национальной стратегии. № 6. С. 93–114. DOI: 10.52311/2079-3359_2021_6_93
- Грэхэм Л. (2014) Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России. М.: Манн, Иванов и Фербер.
- Давыденко В.А., Ромашкин Г.С. (2010) Факторная структура параметров личного и институционального доверия в современной России // Terra Economicus. Т. 8. № 3. С. 134–142 // https://te.sfedu.ru/evjur/data/2010/journal8_3_1.pdf, дата обращения 20.06.2022.

- Дежина И.Г., Ключарев Г.А. (2021) Международные коллаборации вузовской науки: стимулы и препятствия // Социологические исследования. № 6. С. 34–45 // https://www.skoltech.ru/app/data/uploads/2014/02/Sotsis_06_2021_34-45.pdf, дата обращения 20.06.2022.
- Кашин В.Б., Пятачкова А.С., Смирнова В.А., Литвинов А.А., Поташев Н.А. (2021) Китайские эксперты о новом пятилетнем плане КНР. М.: ВШЭ // <https://cceis.hse.ru/data/2021/03/29/1386510407/14-%D1%8F%20%D0%BF%D1%8F%D1%82%D0%B8%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%BA%D0%B0.pdf>, дата обращения 20.06.2022.
- Клыпин А.В., Калюжный К.А. (2015) Научно-технологические приоритеты России: проблемы формирования, корректировки и реализации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. № 45. С. 18–33 // <http://213.226.126.9/ni/2015/ni45/ni4515-18.pdf>, дата обращения 20.06.2022.
- Крылов П.А. (2021) Проблема трансфера технологий от науки в бизнес // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. № 3. С. 220–239. DOI: 10.38050/013001052021310
- Латов Ю.В. (2010) Сравнительный анализ межличностного и институционального доверия как социального капитала России. Перепечатка с сайта Социологического института РАН // <https://www.civisbook.ru/files/File/Latov.pdf>, дата обращения 20.06.2022.
- Латов Ю.В. (2014) Маятниковая долгосрочная динамика развития экономической теории // Историко-экономические исследования. Т. 15. № 2. С. 270–282.
- Латов Ю.В., Латова Н.В. (2015) Сколково как инновационный центр: общее и особенное (историко-компаративистский подход) // Journal of Economic Regulation. Т. 6. № 1. С. 37–45. DOI: 10.17835/2078-5429.2015.6.1.037-045
- Лиотар Ж.Ф. (1998) Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя.
- Лю Сюнь (2021) Стратегия социально-экономического развития Китая в 14-й пятилетке и тенденции развития китайско-российского торгово-экономического сотрудничества // Современная научная мысль. № 5. С. 193–199. DOI: 10.24412/2308-264X-2021-5-193-199
- Медиапотребление в России-2020 (2020). М.: Исследовательский центр компании Deloitte в России // <https://oohmag.ru/wp-content/uploads/2020/11/mediapotreblenie-v-rossii-2020.pdf>, дата обращения 20.06.2022.
- Нефедова А.И., Чернышева М.В. (2021) Инновации на рабочем месте: результаты всероссийского обследования // Предпринимательская культура – залог успеха корпоративных инноваций: Сборник докладов VIII Международной практической конференции INNO-WAVE 2019. Москва, 31 октября 2019 года. М.: ВШЭ. С. 79–87. DOI: 10.33186/1027-3689-2021-79-87
- Пахомова Н.В., Кнут Р., Малышков Г.Б., Бондаренко Ю.П. (2015) Организационно-институциональные условия формирования спроса на инновации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Экономика. № 2. С. 4–33 // <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionno-institutsionalnye-usloviya-formirovaniya-sprosa-na-innovatsii>, дата обращения 20.06.2022.
- Самусенко С.А., Поподько Г.И., Зимнякова Т.С. (2020) Эмпирический анализ дефектов инновационных систем // Регион: экономика и социология. № 1. С. 153–176. DOI: 10.15372/REG20200107
- Симачев Ю.В., Кузык М.Г. (2021) Взаимодействие российского бизнеса с наукой: точки соприкосновения и камни преткновения // Вопросы экономики. № 6. С. 103–138. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-6-103-138
- Скоренко Т. (2017) Изобретено в России: История русской изобретательской мысли от Петра I до Николая II. М.: Альпина Паблишер.
- Тоганова Н.В., Тихомиров И.А., Каменская М.А., Храмоин И.В. (2016) Технологии и инновации в российских СМИ // Инновации. № 10 (216). С. 110–118 // <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-i-innovatsii-v-rossiyskih-smi>, дата обращения 20.06.2022.
- Фукуяма Ф. (2004) Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ.
- Юданов А.Ю., Яковлев А.А. (2018) «Неортодоксальные» быстрорастущие фирмы-«газели» и порядок ограниченного доступа // Вопросы экономики. № 3. С. 80–101. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-3-80-101

- Arthur W.B. (2015) Complexity Economics: A Different Framework for Economic Thought // Arthur W.B. Complexity and the Economy, New York: Oxford University Press, pp. 1–29. DOI: 10.2469/DIG.V43.N4.70
- Autant-Bernard C., Fadaïro M., Massard N. (2013) Knowledge Diffusion and Innovation Policies within the European Regions: Challenges Based on Recent Empirical Evidence // Research Policy, vol. 42, no 1, pp. 196–210. DOI: 10.1016/J.RESPOL.2012.07.009
- Beckert J. (2021) The Firm as an Engine of Imagination: Organizational Prospection and the Making of Economic Futures // Organization Theory, no 2. DOI: 10.1177/26317877211005773
- Dumez H., Jeunemaitre A. (2006) Reviving Narratives in Economics and Management: Towards an Integrated Perspective of Modelling, Statistical Inference and Narratives // European Management Review, vol. 3, no 1, pp. 32–43. DOI: 10.1057/PALGRAVE.EMR.1500054
- Franzosi R. (1998) Narrative Analysis – or Why (and How) Sociologists Should Be Interested in Narrative // Annual Review of Sociology, vol. 24, no 1, pp. 517–554. DOI: 10.1146/ANNUREV.SOC.24.1.517
- Global Innovation Index-2011 (2011) // https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/GII-2011_Report.pdf, дата обращения 20.06.2022.
- Global Innovation Index-2021 (2021) // https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2021.pdf, дата обращения 20.06.2022.
- Greenhalgh T., Robert G., MacFarlane F., Bate P., Kyriakidou O., Peacock R. (2005) Storylines of Research in Diffusion of Innovation: A Meta-Narrative Approach to Systematic Review // Social Science & Medicine, vol. 61, no 2, pp. 417–430. DOI: 10.1016/J.SOCSCIMED.2004.12.001
- Hayek F. (2002) Competition as a Discovery Procedure // The Quarterly Journal of Austrian Economics, vol. 5, no 3, pp. 9–23 // https://cdn.mises.org/qjae5_3_3.pdf, дата обращения 20.06.2022.
- Juille T., Jullien D. (2017) Narrativity and Identity in the Representation of the Economic Agent // Journal of Economic Methodology, vol. 24, no 3, pp. 274–296. DOI: 10.1080/1350178X.2017.1286027
- Killick A. (2022) Not ‘My Economy’: A Political Ethnographic Study of Interest in the Economy // British Journal of Politics and International Relations, vol. 24, no 1, pp. 171–186. DOI: 10.1177/13691481211007064
- Metcalfe J.S. (1995) Technology Systems and Technology Policy in an Evolutionary Framework // Cambridge Journal of Economics, vol. 19, no 1, pp. 25–46. DOI: 10.1093/oxfordjournals.cje.a035307
- Monnet E., Velde F.R. (2021) Money, Banking, and Old-school Historical Economics // The Handbook of Historical Economics, pp. 335–364. DOI: 10.1016/b978-0-12-815874-6.00020-4
- North D., Wallis J., Weingast B. (2009) Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History, Cambridge: Cambridge University Press.
- Polyakova V., Fursov K., Thurner T. (2020) Public Discourse on Stem Cell Research in Russia: Evolution of the Agenda // Science and Technology Studies, vol. 33, no 4, pp. 24–49. DOI: 10.23987/STS.71153
- Roud V. (2018) Understanding the Heterogeneity of Innovation Modes: Performance Effects, Barriers, and Demand for State Support // Technological Forecasting and Social Change, vol. 133, pp. 238–253. DOI: 10.1016/j.techfore.2018.04.025
- Shiller R.J. (2019) Narratives about Technology-Induced Job Degradation Then and Now // Journal of Policy Modeling, vol. 41, no 3, pp. 477–488. DOI: 10.1016/j.jpolmod.2019.03.015
- Waller W.T. (2021) Institutions, Technology, and Instrumental Value: A Reassessment of the Veblenian Dichotomy // Waller W.T. Institutional Economics: Perspectives and Methods in Pursuit of a Better World, Routledge, pp. 19–48. DOI: 10.4324/9781003160434-3
- Whalen C.J. (2021) Storytelling and Institutional Change: The Power and Pitfalls of Economic Narratives // Waller W.T. Institutional Economics: Perspectives and Methods in Pursuit of a Better World, Routledge, pp. 247–270. DOI: 10.4324/9781003160434-13

The Demand for Innovation in the Russian Economy: An Analysis of Narratives

V.V. VOLCHIK*, E.V. FURSA**

***Vyacheslav V. Volchik** – DSc in Economics, Professor, Head of the Department of Economic Theory of the Faculty of Economics, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation, volchik@sfedu.ru, <http://orcid.org/0000-0002-0027-3442>

****Elena V. Fursa** – PhD in Economics, Associate Professor, Faculty of Economics, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation, efursa@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7295-9876>

Citation: Volchik V.V., Fursa E.V. (2022) The Demand for Innovation in the Russian Economy: An Analysis of Narratives. *Mir Rossii*, vol. 31, no 4, pp. 122–150 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-4-122-150

Abstract

This article analyses the narratives of actors in the Russian innovation system (RIS) (business, public administration, and academic organizations). These narratives reflect significant ideas and beliefs about the formation of demand for innovation, and the cause-and-effect relationships that may conform to, or contradict, economic theories. The authors employ data from 43 media and Internet resources selected using the “Medialogia” platform. They identify 229 narratives focusing on the reasons behind the low demand for innovation. The analysis revealed five groups of prototypical explanatory models containing information on the social context, factors, causes, and the formation mechanisms of the low demand for innovation in Russia: the significant transaction costs in the interaction of business and academic organizations; the lack of sufficient incentives for Russian business to actively innovate; a lack of effective reproducible mechanisms for the stimulation and upward implementation of grassroots initiatives of RIS actors; the ineffectiveness of the functions of three RIS institutions (maintaining the stability of transactions, protecting property rights, and reducing transaction costs); and the lack of trust among RIS actors.

Keywords: narrative economics, institutional economics, Russian innovation system, institutional arrangement, public administration, demand for innovation

References

Anosov B.A. (2021) Activation of Consumer Demand as a Guarantee of Successful Development of the Chinese Economy. *Problems of Forecasting*, no 6, pp. 158–167 (in Russian). DOI: 10.47711/0868-6351-189-158-167

This work was supported by the grant of Russian Science Foundation No. 21-18-00562 “Developing the national innovation system in Russia in the context of narrative economics” at the Southern Federal University (<https://rscf.ru/en/project/21-18-00562/>).

The article was published as part of the HSE University project “University Partnership”, to support publications by authors of Russian educational and scientific organizations.

The article was received in April 2022.

- Arthur W.B. (2015) Complexity Economics: A Different Framework for Economic Thought. *Arthur W.B. Complexity and the Economy*, New York: Oxford University Press, pp. 1–29. DOI: 10.2469/DIG.V43.N4.70
- Autant-Bernard C., Fadaïro M., Massard N. (2013) Knowledge Diffusion and Innovation Policies within the European Regions: Challenges Based on Recent Empirical Evidence. *Research Policy*, vol. 42, no 1, pp. 196–210. DOI: 10.1016/J.RESPOL.2012.07.009
- Balatsky E. (2003) Economic Growth and Technological Traps. *Society and Economy*, no 11, pp. 53–76 (in Russian).
- Barkov S.A., Zubkov V.I. (2018) Metanarratives: The Fate of Scientific Ideas in the Postmodern Era. *Sociology*, no 2, pp. 3–8. Available at: <http://soziologi.ru/upload/iblock/c22/%E2%84%962%202018%20%D0%A1%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F.pdf>, accessed 20.06.2022 (in Russian).
- Barsukova S.Yu., Korobkova A.D. (2014) Russia's Accession to the WTO in the Mirror of Russian Print Media. *Journal of Economic Sociology*, vol. 15, no 4, pp. 20–44. Available at: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/sjk8h559ad/139635351.pdf>, accessed 20.06.2022 (in Russian).
- Beckert J. (2021) The Firm as an Engine of Imagination: Organizational Prospection and the Making of Economic Futures. *Organization Theory*, no 2. DOI: 10.1177/26317877211005773
- Davydenko V.A. Romashkin G.S. (2010) Factor Structure of Parameters of Personal and Institutional Trust in Modern Russia. *Terra Economicus*, vol. 8, no 3, pp. 134–142. Available at: https://te.sfedu.ru/evjur/data/2010/journal8_3_1.pdf, accessed 20.06.2022 (in Russian).
- Dezhina I.G., Klyucharev G.A. (2021) International Collaborations of University Science: Incentives and Obstacles. *Sociological Research*, no 6, pp. 34–45. Available at: https://www.skoltech.ru/app/data/uploads/2014/02/Sotsis_06_2021_34-45.pdf, accessed (in Russian).
- Dumez H., Jeunemaitre A. (2006) Reviving Narratives in Economics and Management: Towards an Integrated Perspective of Modelling, Statistical Inference and Narratives. *European Management Review*, vol. 3, no 1, pp. 32–43. DOI: 10.1057/PALGRAVE.EMR.1500054
- Franzosi R. (1998) Narrative Analysis – or Why (and How) Sociologists Should Be Interested in Narrative. *Annual Review of Sociology*, vol. 24, no 1, pp. 517–554. DOI: 10.1146/ANNUREV.SOC.24.1.517
- Fukuyama F. (2004) *Trust: Social Virtues and the Path to Prosperity*, Moscow: ACT (in Russian).
- Global Innovation Index-2011 (2011). Available at: https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/GII-2011_Report.pdf, accessed 20.06.2022.
- Global Innovation Index-2021 (2021). *Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge*, September 20, 2021. Available at: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/507879120.pdf>, accessed 20.06.2022 (in Russian).
- Global Innovation Index-2021 (2021). Available at: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2021.pdf, accessed 20.06.2022.
- Graham L. (2014) *Can Russia Compete? The History of Innovation in Tsarist, Soviet and Modern Russia*, Moscow: Mann, Ivanov and Ferber (in Russian).
- Greenhalgh T., Robert G., MacFarlane F., Bate P., Kyriakidou O., Peacock R. (2005) Storylines of Research in Diffusion of Innovation: A Meta-Narrative Approach to Systematic Review. *Social Science & Medicine*, vol. 61, no 2, pp. 417–430. DOI: 10.1016/J.SOCSCIMED.2004.12.001
- Gribova N.V. (2021) Prospects for the Development of China's Scientific and Technical Potential in the 14th Five-Year Plan (2021–2025). *Problems of National Strategy*, no 6, pp. 93–114 (in Russian). DOI: 10.52311/2079-3359_2021_6_93
- Hayek F. (2002) Competition as a Discovery Procedure. *The Quarterly Journal of Austrian Economics*, vol. 5, no 3, pp. 9–23. Available at: https://cdn.mises.org/qjae5_3_3.pdf, accessed 20.06.2022.
- Juille T., Jullien D. (2017) Narrativity and Identity in the Representation of the Economic Agent. *Journal of Economic Methodology*, vol. 24, no 3, pp. 274–296. DOI: 10.1080/1350178X.2017.1286027

- Kashin V.B., Pyatachkova A.S., Smirnova V.A., Litvinov A.A., Potashev N.A. (2021) *Chinese Experts on the New Five-year Plan of the PRC*, Moscow: HSE. Available at: <https://cceis.hse.ru/data/2021/03/29/1386510407/14-%D1%8F%20%D0%BF%D1%8F%D1%82%D0%B8%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%BA%D0%B0.pdf>, accessed 20.06.2022 (in Russian).
- Killick A. (2022) Not 'My Economy': A Political Ethnographic Study of Interest in the Economy. *British Journal of Politics and International Relations*, vol. 24, no 1, pp. 171–186. DOI: 10.1177/136914812111007064
- Klypin A.V., Kalyuzhny K.A. (2015) Scientific and Technological Priorities of Russia: Problems of Formation, Adjustment and Implementation. *National Interest: Priorities and Security*, no 45, pp. 18–33. Available at: <http://213.226.126.9/ni/2015/ni45/ni4515-18.pdf>, accessed 20.06.2022 (in Russian).
- Krylov P.A. (2021) The Problem of Technology Transfer from Science to Business. *Bulletin of Moscow University. Series 6: Economics*, no 3, pp. 220–239 (in Russian). DOI: 10.38050/013001052021310
- Latov Yu.V. (2010) *Comparative Analysis of Interpersonal and Institutional Trust as the Social Capital of Russia*. Available at: <https://www.civisbook.ru/files/File/Latov.pdf>, accessed 20.06.2022 (in Russian).
- Latov Yu.V. (2014) Pendulum Long-term Dynamics of the Development of Economic Theory. *Historical and Economic Research*, vol. 15, no 2, pp. 270–282 (in Russian).
- Latov Yu.V., Latova N.V. (2015) Skolkovo as an Innovation Center: General and Special (Historical Comparative Approach). *Journal of Economic Regulation*, vol. 6, no 1, pp. 37–45 (in Russian). DOI: 10.17835/2078-5429.2015.6.1.037-045
- Liu Xun (2021) China's Social and Economic Development Strategy in the 14th Five-Year Plan and Development Trends of Sino-Russian Trade and Economic Cooperation. *Modern Scientific Thought*, no 5, pp. 193–199 (in Russian). DOI: 10.24412/2308-264X-2021-5-193-199
- Liotard J.F. (1998) *Postmodern State*, Saint Petersburg: Aletheya (in Russian).
- Media Consumption in Russia-2020* (2020), Moscow: Deloitte Research Center in Russia. Available at: <https://oohmag.ru/wp-content/uploads/2020/11/mediapotrebienie-v-rossii-2020.pdf>, accessed 20.06.2022 (in Russian).
- Metcalf J.S. (1995) Technology Systems and Technology Policy in an Evolutionary Framework. *Cambridge Journal of Economics*, vol. 19, no 1, pp. 25–46. DOI: 10.1093/oxfordjournals.cje.a035307
- Monnet E., Velde F.R. (2021) Money, Banking, and Old-school Historical Economics. *The Handbook of Historical Economics*, pp. 335–364. DOI: 10.1016/b978-0-12-815874-6.00020-4
- Nefedova A.I., Chernysheva M.V. (2021) Innovation in the Workplace: The Results of an all-Russian Survey. *Entrepreneurial Culture Is the Key to the Success of Corporate Innovation: Collection of Reports of the VIII International Practical Conference INNO-WAVE 2019*, Moscow: HSE, pp. 79–87 (in Russian). DOI: 10.33186/1027-3689-2021-79-87
- North D., Wallis J., Weingast B. (2009) *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Pakhomova N.V., Knut R., Malyshkov G.B., Bondarenko Y.P. (2015) Organizational and Institutional Conditions for the Formation of Demand for Innovations. *Bulletin of Saint Petersburg University. Series: Economics*, no 2, pp. 4–33. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionno-institutsionalnye-usloviya-formirovaniya-sprosa-na-innovatsii>, accessed 20.06.2022 (in Russian).
- Polyakova V., Fursov K., Thurner T. (2020) Public Discourse on Stem Cell Research in Russia: Evolution of the Agenda. *Science and Technology Studies*, vol. 33, no 4, pp. 24–49. DOI: 10.23987/STS.71153
- Roud V. (2018) Understanding the Heterogeneity of Innovation Modes: Performance Effects, Barriers, and Demand for State Support. *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 133, pp. 238–253. DOI: 10.1016/j.techfore.2018.04.025

- Samusenko S.A., Popodko G.I., Zimnyakova T.S. (2020) Empirical Analysis of Defects in Innovative Systems. *Region: Economics and Sociology*, no 1, pp. 153–176 (in Russian). DOI: 10.15372/REG20200107
- Shiller R.J. (2019) Narratives about Technology-Induced Job Degradation Then and Now. *Journal of Policy Modeling*, vol. 41, no 3, pp. 477–488. DOI: 10.1016/j.jpolmod.2019.03.015
- Simachev Yu.V., Kuzyk M.G. (2021) Interaction of Russian Business with Science: Points of Contact and Stumbling Blocks. *Voprosy Ekonomiki*, no 6, pp. 103–138 (in Russian). DOI: 10.32609/0042-8736-2021-6-103-138
- Skorenko T. (2017) *Invented in Russia: A History of Russian Inventive Thought from Peter I to Nicholas II*, Moscow: Alpina Publisher (in Russian).
- Toganova N.V., Tikhomirov I.A., Kamenskaya M.A., Khramoin I.V. (2016) Technologies and Innovations in Russian Media. *Innovations*, no 10 (216), pp. 110–118. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-i-innovatsii-v-rossiyskih-smi>, accessed 20.06.2022 (in Russian).
- Volchik V. (2012) The Problem of Trust And Modernization of Institutions. *Terra Economicus*, vol. 10, no 2, pp. 12–14. Available at: https://te.sfedu.ru/evjur/data/2012/journal10_2_1.pdf, accessed 20.06.2022 (in Russian).
- Volchik V.V., Fursa E.V., Maskaev A.I. (2021) Prospects for the Development of the Russian System through the Prism of Qualitative Methods. *Russian Journal of Economics and Law*, vol. 15, no 4, pp. 641–660 (in Russian). DOI: 10.21202/2782-2923.2021.4.641-660
- Volchik V.V., Fursa E.V., Maslyukova E.V. (2021) Public Administration and Development of the Russian Innovation System. *Manager*, vol. 12, no 5, pp. 32–49 (in Russian). DOI: 10.29141/2218-5003-2021-12-5-3
- Waller W.T. (2021) Institutions, Technology, and Instrumental Value: A Reassessment of the Veblenian Dichotomy. *Waller W.T. Institutional Economics: Perspectives and Methods in Pursuit of a Better World*, Routledge, pp. 19–48. DOI: 10.4324/9781003160434-3
- Whalen C.J. (2021) Storytelling and Institutional Change: The Power and Pitfalls of Economic Narratives. *Waller W.T. Institutional Economics: Perspectives and Methods in Pursuit of a Better World*, Routledge, pp. 247–270. DOI: 10.4324/9781003160434-13
- Yudanov A.Yu., Yakovlev A.A. (2018) “Unorthodox” Fast-growing “Gazelle” Firms and Restricted access Order. *Voprosy Ekonomiki*, no 3, pp. 80–101 (in Russian). DOI: 10.32609/0042-8736-2018-3-80-101